

ВЗАИМОВЫГОДНОСТЬ И ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ В БУДУЩЕЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Малышев В. Л., к.э.н., с.н.с.

*Центральный экономико-математический
институт РАН*

В статье рассматриваются проблемы достижения взаимовыгодности при межотраслевых межфирменных отношениях производителей в будущей экономике России. В качестве основного инструмента достижения этого принципа в работе предлагается использование аналога объективно обусловленных оценок Л. Канторовича – верхнего предела цен, использовавшегося при определении цен на новую продукцию производственно-технического назначения.

При анализе современного состояния российской экономики возникает множество вопросов, связанных с возможностью ускорения развития, возможностью вхождения России в мировой экономический порядок в качестве равноправного с промышленно развитыми странами партнера.

Решение подобных задач, на наш взгляд, связано с возрождением России как самостоятельного, суверенного государства, экономика которого определяется приоритетностью развития экономики страны, а не тенденциями цен на мировом рынке сырьевых продуктов. Это тем более очевидно, что включение в ВТО в качестве необходимого условия, выдвигаемого промышленно развитыми странами в настоящее время, предполагает ряд неприемлемых для России условий.

Во-первых, это доведение цен на энергетические ресурсы до мировых, что означает абсолютное обнищание большинства населения России.

Во-вторых, прекращение дотаций со стороны государства сельскому хозяйству, что в настоящих условиях его функционирования приведет к полному развалу этой отрасли, к зависимости российской экономики от импорта сельскохозяйственной продукции.

Даже этот пример возможного включения экономики России в международное разделение труда позволяет сделать вывод о необходимости форсировать рост российской экономики за счет перестройки структуры производства и экспорта с ориентации на продукцию сырьевых отраслей на увеличение значимости технологически сложной продукции, определяющей научно-технический уровень экономики.

Именно с этой целью Президент РФ в своем последнем Послании Федеральному Собранию поставил перед Правительством РФ задачу фактического удвоения валового внутреннего продукта. И, по его мнению, «общество в состоянии добиться этих результатов в период до 2010 года»¹.

Нельзя не подчеркнуть, что критика «не амбициозных» темпов роста, намечаемых Правительством РФ, отнюдь не нова: и в прошлом Послании Президент

также критиковал правительство за низкие темпы роста на перспективу².

Подобного рода постоянство критики, к сожалению, не приводит к желаемым результатам.

Основные показатели ВВП до 2006 года, утвержденные Правительством РФ, практически не выходят за пределы 7%³. Между тем, темпы роста мировой экономики, по некоторым оценкам, в 2004 году составят 4,3%, промышленно-развитых стран – 2,9%, а развивающихся стран – 5,7%. В последующие годы эти темпы вряд ли существенно изменятся⁴.

А потому задача войти в качестве равноправного партнера в международное разделение труда растянется на десятилетия. Причины невозможности обеспечения высоких темпов роста, по нашему мнению, лежат существенно глубже, в стратегии, в неправильности выбранной парадигмы развития экономики России. Именно с этой точки зрения нами было рассмотрено прошлое, настоящее и возможное будущее экономики России. Подобный подход позволил по-иному оценить многие из существовавших и существующих условий развития экономики.

Прошлое российской экономики нами связывается с деятельностью производителей в условиях директивности управления экономикой.

Для директивности управления основным признаком, позволяющим рассматривать всю экономику как систему и придающим ей определенное направление развития, являлось централизованное распределение ресурсов.

Централизованное распределение ресурсов, в свою очередь, предполагало централизованное ценообразование. К сожалению, в литературе, посвященной проблемам развития экономики, эта взаимосвязь практически не рассматривается. Это обусловило критику «российскими реформаторами» директивности управления экономикой, точнее – быстрое разрушение механизма этого управления, как «коLOSSа на глиняных ногах», что, конечно, неверно.

Неверно потому, что ценообразование в любой системе – это основа экономики. При директивности управления воспроизводство ресурсов осуществляется через их централизованное перераспределение на основе централизованного ценообразования. Централизованное распределение ресурсов и централизованное ценообразование, при отсутствии причин и условий конкуренции, предполагали полное превалирование межотраслевых, народнохозяйственных задач развития экономики над внутриотраслевыми, хозяйственными задачами, и учет последних постольку, поскольку они соответствуют первым. Превалирование межотраслевых отношений производителей при централизованном перераспределении ресурсов предполагало выравнивание нормы прибыли между отраслями и производствами, создание относительно равных условий воспроизводства ресурсов как живого, так и овеществленного труда.

² Ежегодное послание президента Федеральному собранию «Президент Владимир Путин: Россия должна быть экономически сильной и конкурентоспособной страной». Парламентская газета. 19-25 апреля 2002 г.

³ «Известия». 16 декабря 2003 года.

⁴ «Экономика России в 2004 году. Внешние факторы роста ослабеют, а внутренние еще не окрепнут». «Известия». 29 декабря 2003 года.

¹ Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ. «Российская газета», 17 мая 2002 года.

Таким образом, «уравнительная система» распределения, столь часто критикуемая в настоящее время, была не порождением «глупости» государственного руководства, а системой, обеспечивающей относительно равные условия воспроизводства. Гносеологически суть «уравнительности» условий процесса воспроизводства состоит в стремлении государства включить в процесс воспроизводства как можно больше производителей за счет перераспределения ресурсов. В сущности, те же процессы мы наблюдаем и в промышленно развитых странах, где колебания рентабельности производства по отраслям относительно малы. Для нас важен тот факт, что и централизованное перераспределение ресурсов в условиях директивности управления, и механизм их перелива в условиях рыночной экономики промышленно развитых стран приводят к одному и тому же результату – участию в процессе воспроизводства в стране как можно большего количества производителей.

Конечно, это не значит, что надо «возвращаться назад», к «директивности». Суть наших рассуждений сводится к тому, что в условиях директивности управления использовались некоторые элементы механизма хозяйственной деятельности, которые следует более внимательно изучить с точки зрения возможности использования в условиях рыночной экономики России.

Пристальное внимание к механизму, существовавшему при директивности управления, – попытка не столько критиковать этот механизм, сколько попытаться использовать все полезное из него, но исходя не из директивности управления, а на основе «правил игры», устанавливаемых самими производителями, по нашему мнению, должно определить ту особенность развития, которая станет спецификой экономики России в будущем. Следует отметить, что при централизованном распределении ресурсов, централизованном макроуровневом планировании всех этапов процесса воспроизводства, теоретически в экономике не могло возникнуть методологических причин дисбаланса экономики. Но этот дисбаланс на практике возникал по мере повышения научно-технического уровня экономики, и причины, порождающие его, занимали все больше места в развитии экономики СССР.

Основная из этих причин – невозможность централизованного планирования научно-технического прогресса – являлась в конечном итоге причиной снижения темпов роста экономики⁵. Можно отметить, что, анализируя влияние нововведений на рыночную экономику, Й. Шумпетер приходит к аналогичной причине кризисов и в рыночной экономике. Этой причиной, по его мнению, становится отсутствие спроса на новую продукцию, возникающее первоначально при относительно неналаженном межотраслевом научно-техническом сотрудничестве⁶.

Конкурентные отношения составляют одну из основных черт экономики, определяемой саморегулиро-

ванием отношений производителей. Именно саморегулирование экономики, основанное на конкуренции в процессе производства, предполагает дифференциацию всех конкурирующих производителей на «слабые» и «сильные». Первые – производители, не выдерживающие конкуренции, а потому, по мысли «российских реформаторов», должны уступить место «сильным», которым надо помогать инвестициями: ведь «слабым», по мысли все тех же «реформаторов», помогать бессмысленно.

Дифференциация экономики на «сильные» и «слабые» отрасли и производства в условиях саморегулирования экономики приводит к аккумуляции ресурсов (капитала) только в «сильных» отраслях, а потому и к монополизации экономики. На практике возникает реальная ситуация, которая целиком претворилась в жизнь в России: теоретически государство поощряет развитие конкуренции, конечным результатом которой является монополизм. Но на определенном этапе, понимая его вред, государство начинает с ним бороться, проводя антимонопольные мероприятия. На наш взгляд, это «единство противоположностей» совсем не обязательно для развития российской экономики. Следует разработать и проводить в жизнь экономическую политику, определяемую невозможностью возникновения монополизма. И здесь на первый план выходят те условия развития экономики, которые составляют специфику развития экономики именно в России.

Одно из изначальных условий сводится к тому, что в российской экономике при ее перестройке практически не было конкуренции. Конкуренция – это начальный этап возникновения монополизма. Все промышленно развитые страны прошли этот этап. Не то в России. Дело в том, что директивность управления была основана на монополизации экономики в рамках министерств, монополизации в сфере производства. Между тем не учитывается тот факт, что монополизм, как таковой, оказывает негативное влияние на развитие экономики, если речь идет не о сфере производства, а о сфере распределения продукции, о взаимоотношениях с потребителями продукции в процессе воспроизводства. В частности, о возможности диктовать цены потребителям, позволяющие производителю максимизировать эффект.

В условиях централизованного распределения ресурсов именно этого – монополизма в распределении – не было у российских производителей. Этатистские функции государства были направлены как раз на противоположное – на распределение продукции между всеми производителями, что позволяло обеспечить, во-первых, воспроизводство ресурсов всеми производителями, во-вторых, производство технологически сложной продукции, по научно-техническому уровню во многих отраслях превышающему даже мировые стандарты.

Перестройка российской экономики практически свелась лишь к тому, что отрасли-доноры, определяющие доходы бюджета, как и сейчас это были, в основном, сырьевые отрасли – получили возможность аккумулировать эффект и ресурсы в рамках процесса воспроизводства собственной продукции, не распределяя их между остальными отраслями. Критериальные особенности развития неоклассического направления привели, во-первых, к тому, что «ловкие» (в ос-

⁵ Можно отметить, что подобное непонимание основных причин неудач российских инвестиций породило у многих «западных» экономистов мнение о том, что «многочисленные капитальные вложения» – это некая цель централизованно управляемой экономики. См., например, В. Ойкен. Основные принципы экономической политики. М. Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1995 г. С. 165.

⁶ Й. Шумпетер. Теория экономического развития. М.: Прогресс. С. 396-397.

новном, молодые) люди захватили управляющие должности в доходообразующих отраслях, «замкнув» воспроизводство продукции рамками процесса производства⁷.

Таким образом, хотелось бы особо подчеркнуть тот факт, что реально процесс перестройки экономики, при принятых «российскими реформаторами» критериях, вылился лишь в возможность узаконенной аккумуляции ресурсов и дохода у производителей отдельных «сильных» отраслей. Россия все более и более становится страной, основное место в доходах и экспорте которой сырьевые товары занимают все больше места. То есть реальной перестройки экономики не произошло. Произошла смена общественной формации – переход от директивности управления к рыночной экономике при существенном снижении потенциала страны, при сомнительных, с точки зрения развития экономики, результатах.

В настоящее время Россия все более и более превращается из страны с относительно диверсифицированной экономикой в страну, экономика которой все более зависит от внешнего рынка. Причем эта зависимость принимает все более узаконенный характер: варианты прогнозов Министерства экономики и развития уже четко рассчитываются в зависимости от мировых цен на нефть. Создается «стабилизационный фонд», который позволит, по мысли его создателей, гарантировать российскую экономику от падения.

Но мало кто среди руководителей государства задумывается о том, что дело не в создании подобных «фондов», а в изменении парадигмы развития экономики России, в создании тех условий, которые ликвидировали бы эту позорную зависимость экономики России от внешнеторговых условий, придали бы ее развитию тот суверенный характер, который она имела при приоритетности задач развития народного хозяйства.

Отметим, что выдвигаемая нами парадигма связывается с *институциональным направлением развития экономики России*. Почему институциональным?

Во-первых, потому, что основным критерием развития экономики при институциональном направлении является критерий минимизации трансакционных издержек⁸. Составляющие трансакционных издержек известны. Они, в частности, по мнению Т. Эггертссона, «так или иначе связаны с приобретением информации об обмене»⁹. Подобная точка зрения, по нашему мнению, позволяет трактовать эти издержки как часть издержек процесса обращения. Отсюда закономерен вывод о преваливании при институциональном направлении развития экономики процесса обращения над процессом производства. Это преваливание, в свою очередь, предполагает приоритетность межот-

раслевого сотрудничества в процессе воспроизводства ресурсов над внутриотраслевой конкуренцией производителей аналогичной продукции. Все эти положения приводят нас к выводу о том, что критерии институционального направления развития экономики России как теоретически, так и практически приведут к приоритетности развития производства и экспорта технологически сложной продукции над существующей в настоящее время в нашей экономике приоритетностью производства и экспорта продукции сырьевых отраслей.

При этом мы исходим из специфики предшествующего развития экономики России. Специфика российской экономики определяется тем, что предшествующее более чем семидесятилетнее развитие в рамках директивности управления экономикой «приучило» российского производителя к приоритетности народнохозяйственных задач развития экономики перед хозрасчетными, определяемыми задачами развития собственного производства. У российского производителя «отняли инициативу», но зато приучили к приоритетности межотраслевых, народнохозяйственных задач. О том, что эта «школа» не пропала даром, свидетельствует более чем десятилетнее функционирование экономики России в условиях постоянной дебиторской и кредиторской задолженности практически всех предприятий России, в тех условиях, которые были бы немислимы для экономики промышленно развитых стран. Но они «мыслимы» для российских производителей, понимающих большую важность межотраслевого сотрудничества по отношению к внутриотраслевой конкуренции.

Причина возникновения этой задолженности, по нашему мнению, лежит в сфере несбалансированности отдельных элементов реального сектора российской экономики: несбалансированности отношений производителей на микроуровне. «Атомизируя» эту причину, мы приходим к выводу о несбалансированности между меновой и потребительной стоимостью, между оценкой физических единиц произведенной продукции как результатов труда и как средств производства.

Именно поэтому основным мероприятием, которое послужит восстановлению «народнохозяйственного пространства» России, должно стать мероприятие, прямо противоположное тому, которое было первичным при разрушении единства российской экономики. Как известно, первичным мероприятием по этому разрушению была либерализация ценообразования. Противоположным мероприятием должно стать восстановление единых принципов ценообразования.

В качестве исходной модели цены межотраслевого сотрудничества в процессе воспроизводства предлагается использовать цену, аналогичную «о.о. оценке» Л. Канторовича. Напомним, что в практике ценообразования на новую продукцию производственно-технического назначения аналог «о.о. оценки» Л. Канторовича получил название верхнего предела цены из-за того, что отражает валовой эффект от возможного использования нового продукта у потребителя. Верхний предел цены исчислялся по формуле:

$$Ц_{\text{вп}} = Ц_{\text{нп}} + \text{Эпотр}, \quad (1)$$

где

$Ц_{\text{вп}}$ – верхний предел цены, определяющий валовой эффект использования продукта у потребителя;

⁷ Об ограниченности процесса воспроизводства процессом производства (сбыта) продукции, как об основном недостатке капиталистических производственных отношений писал еще К. Маркс. Он же писал о возможности преодоления этой ограниченности только революционным путем. К. Маркс. Капитал. М.: Издательство политической литературы, 1975 г. Т. 3. С. 386-387. Отметим, что никто из «западных» экономистов не дал, да и не мог дать рецептов преодоления этой ограниченности.

⁸ См., например, Д. Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: «НАЧАЛА», 1997 г. С. 49.

⁹ Т. Эггертссон. Экономическое поведение и институты. М.: «Дело». 2001 г. С. 29-30.

Ц_{нп} – нижний предел цены, определяемый затратами на производство продукта у производителя. Нижний предел цены рассчитывается на основе затрат и прибыли, определяемой необходимостью простого воспроизводства продукции у производителя;

Э_{потр} – эффект потребления («прокатная оценка» у Л. Канторовича), или эффект, получаемый потребителем продукта при его эксплуатации.

Определение принципа распределения эффекта потребления предполагает разработку единого методологического принципа, в соответствии с которым самими производителями устанавливаются количественные доли эффекта в рамках каждого из процессов воспроизводства продукции. На практике в качестве этого методологического принципа, формирующего эти доли у каждого из партнеров, на наш взгляд, было бы целесообразно использовать:

- затраты производителя – на производство продукта-объекта сотрудничества;
- затраты потребителя – на его приобретение.

«Затратный принцип» распределения эффекта будет основным при определении взаимовыгодности межотраслевых межфирменных отношений производителей в процессе воспроизводства в границах «народнохозяйственного пространства». Но «затратный принцип», используемый самими производителями, а не государством, как было при директивности управления. Исходя из этого:

X - доля эффекта потребления, причитающаяся производителю в соответствии с его затратами на производство продукта – объекта сотрудничества: в практике ценообразования на новую продукцию эффект, причитающийся производителю, носит название «эффекта производителя»;

Y – доля эффекта потребления, причитающаяся потребителю продукта в соответствии с затратами на приобретение продукта – объекта сотрудничества: в практике ценообразования этот эффект носит название «эффекта потребителя».

Здесь надо бы отметить, что цена нового продукта отражала затраты и эффект только производителя продукта, т.е. включала только затраты и эффект, получаемый от сбыта продукта его производителем. Эффект потребителя продукта учитывался как возможность снизить цену приобретения продукта – объекта межотраслевого сотрудничества. Если использовать этот подход при расчете предлагаемой нами модели цены, то цена продукта будет отражать цену производителя и будет выражаться как:

$$Ц пр. = Ц нп. + X *(Э потр.). \quad (2)$$

Соответственно, при презумпции «прямых» отношений производителя и потребителя, эта же цена станет и ценой приобретения продукта, т.е. отразит затраты потребителя этого продукта. Условие взаимовыгодности сотрудничества производителей, исходя из приведенных обозначений, можно выразить как:

$$X*(Э потр.) / Ц нп. = Y*(Э потр.) / Ц пр. \quad (3)$$

Напомним, что эффект потребителя выражался в возможности снижения себестоимости продукта, в производстве которого данный новый продукт использовался как средство производства. **Учет** эффекта потребителя а priori по отношению к процессу потребления продукта, возможный при «прозрачности информации» в отношениях производителя и потреби-

ля, создаст условие для сравнения расчетов эффекта: эффекта производителя – на стадии сбыта продукта, эффекта потребителя – на стадии его приобретения. Тем самым будут созданы условия для возможного достижения взаимовыгодности уже на этапе заключения договора о межотраслевом межфирменном сотрудничестве при воспроизводстве конкретного продукта – объекта сотрудничества.

В случае учета эффекта потребителя как значимой величины расчетов распределения эффекта потребления, появляется важная для конкретных результатов межотраслевого сотрудничества категория – «**суммарный эффект потребителя**» продукции. Этот эффект получается как сумма эффектов, возникающих у потребителя при использовании им всех видов средств производства, и определяется на основе суммирования эффекта от всех видов продукции (**Y_n**), отчисляемых потребителю. Формально этот эффект можно выразить как:

$$Y_1 + Y_2 + \dots + Y_i = \sum_{n=1}^i Y_n, \quad (4)$$

где

n – количество сфер использования произведенного продукта (от 1 до *i*).

«Суммарный эффект потребителя» позволит решить характерное не только для теории, но и для практики затруднение, возникающее при межотраслевом сотрудничестве производителей: определить а priori возможный общий вклад фактора «овеществленный труд» в процесс воспроизводства продукции у потребителя, т.е. ликвидировать неопределенность, а потому эмпирику межотраслевых отношений. Исходя из того, что вклад «овеществленного труда» у потребителя оценивается как $\sum_{n=1}^i Y_n$, вклад живого труда

(**Э_{жт.}**), соответственно, будет рассчитываться как:

$$Э жт. = Э потр. - \sum_{n=1}^i Y_n. \quad (5)$$

Наличие подобных показателей позволит на основе априорных расчетов обосновать выбор конкретного варианта межотраслевого сотрудничества производителей в процессе воспроизводства, лишенный элементов неопределенности, возникающих в случае утаивания каждым из партнеров параметров производства и потребления продукта – объекта сотрудничества при «коммерческой тайне» межотраслевых «межфирменных» отношений производителей.

Выбор варианта межотраслевого межфирменного сотрудничества при подобных расчетах должен исходить из необходимости воспроизводства ресурсов у каждого из сотрудничающих производителей «народнохозяйственного пространства» России. Таким образом, из процесса эмпирических отношений, характерных для производителей промышленно-развитых стран, межотраслевое межфирменное сотрудничество превратится в процесс, основанный на совместных априорных расчетах производителей в границах «народнохозяйственного пространства» России.

При этом первичным будет обеспечение самостоятельного воспроизводства ресурсов каждым из производителей в границах «народнохозяйственного пространства» России. Функционирование российского производителя при подобном подходе, как видно из формулы цены, в качестве обязательного компонента

должно будет обеспечить цену сбыта продукта, содержащую эффект потребления. Условие, с точки зрения производителя, функционирующего в условиях конкуренции, достаточно ординарное.

Условие взаимовыгодности, на основе его равноэффективности, является исходным при достижении условия «разумной достаточности» межотраслевого сотрудничества производителей в процессе воспроизводства. Содержание условия «разумной достаточности» сложно отразить формально, так как при этом условии каждый из партнеров должен будет стремиться не к равной эффективности функционирования или равному количественному соотношению результата к затратам у производителя определенного продукта, а к созданию равных условий воспроизводства ресурсов у сотрудничающих производителей, к обеспечению равной возможности их функционирования как субъектов «народнохозяйственного пространства». Несомненно, что достижение «разумной достаточности» при межотраслевом сотрудничестве гораздо сложнее, чем достижение равной эффективности по отдельному продукту, так как предполагает ряд дополнительных условий.

Во-первых, это необходимость учета условий воспроизводства ресурсов как овестьвленного, так и живого труда в процессе воспроизводства продукции в целом на предприятиях-партнерах, а не по отдельному продукту.

Во-вторых, количественное соизмерение факторов производства продукции у каждого из партнеров, достаточно сложно редуцируемых к сопоставимой стоимостной оценке, а потому достаточно сложно сопоставимых при разработке априорных вариантов межотраслевого сотрудничества.

Практика осуществления воспроизводства ресурсов, исходя из принципа «разумной достаточности», будет предполагать множество решений с точки зрения совместного использования факторов воспроизводства. Подробно квалифицировать их на данном этапе разработки проблем межотраслевого сотрудничества вряд ли возможно. Можно отметить, что при единстве эффективности использования капитала (как суммарной оценки ресурсов живого и овестьвленного труда) могут возникнуть сложности, характерные для функционирования производителей в рыночных условиях, вне зависимости от сферы производственной деятельности. Отметим вкратце некоторые, самые общие из них:

1. Воспроизводство средств производства или овестьвленного труда при межотраслевом сотрудничестве, исходя из различия «технического строения» капитала, будет предполагать различные показатели эффективности использования основных средств у каждого из производителей. Но это не должно приводить к нарушению правила взаимовыгодности за счет различия в эффективности использования капитала (финансовых средств). Особенно если речь идет о долгосрочных тенденциях межотраслевого сотрудничества: в этом случае речь будет идти лишь о различии эластичности замены живого труда овестьвленным у каждого из сотрудничающих производителей.
2. Анализируя вопросы использования ресурса живого труда, надо учесть, что работники предприятий менее, чем руководители, заинтересованы в знании распределения оплаты труда на необходимый и прибавочный труд. Или же на обусловленную договорными условиями, и обычно оговариваемую а priori по отношению

к процессу производства необходимую заработную плату, и оплату труда, производимую а posteriori по отношению к этому процессу: разного рода выплаты, учитывающие конечные результаты производственной деятельности. Работникам более важна не структура, а общая сумма выплат.

Руководители же, наоборот, заинтересованы не только в воспроизводстве живого труда, но и расширении производства, инвестировании средств. А отсюда особую актуальность для него приобретает выполнение как априорных, договорных обязательств перед работниками, так и распределение апостериорных (по результатам деятельности) выплат. Межотраслевое сотрудничество при единых «правилах игры», в конечном итоге, приведет к выравниванию уровней заработной платы работников одной и той же профессии, вне зависимости от того, в какой из отраслей производства реального сектора экономики России они заняты.

Таким образом, возможные противоречия между работниками и руководством предприятия в условиях «прозрачности информации» при межотраслевом сотрудничестве в границах «народнохозяйственного пространства» России будут постепенно снижаться. В результате выравнивания условий деятельности работников одних и тех же профессий будет снижаться и безработица. Как будет изменяться «эластичность замены» живого труда овестьвленным в каждом из производств, ответить невозможно. Но беспрепятственный перелив ресурсов всегда предполагает уровень цен, который определяется затратами на производство продукта, необходимыми для простого воспроизводства продукта и частью прибыли, обеспечивающей расширенное его воспроизводство.

Конечно, правила построения цен, основанных на «затратном принципе» построения, в условиях рыночной экономики, будут отличаться от принципов построения «затратных цен» при директивности управления. При директивности «затратные цены» – результат государственного руководства процессом ценообразования, при котором затраты использовались в качестве основного параметра цен при их учетной функции в процессе централизованного распределения ресурсов. Эти же «затратные цены» при повышении научно-технического уровня экономики обнажили основные недостатки централизованного распределения ресурсов, которые возрастали по мере диверсификации производственной деятельности. Недостатками были:

- негибкость централизованного распределения ресурсов, его инерционность по отношению к постоянно возникающим в процессе воспроизводства изменениям в возможностях и потребностях производителей, обусловленных, в частности, научно-техническим прогрессом;
- в некоторых случаях возможность оправдания производителем зачастую завышенных затрат, а отсюда развитие у ряда производителей «иждивенческих настроений».

Когда же речь идет о ценообразовании при предлагаемой методике образования цен в условиях рынка, то «затратные цены» образуются на основе принципиально иного процесса – процесса перелива ресурсов между производителями в процессе воспроизводства продукции при долгосрочности сотрудничества на основе равновыгодности отноше-

ний производителей, при котором в качестве исходного уровня используется аналог «о.о. оценок» – верхний предел цены.

Таким образом, при использовании в качестве одного из «правил игры» предлагаемых методологических принципов ценообразования мы также приходим к либерализации ценообразования. Либерализации постольку, поскольку снижается возможность вмешательства государства в этот процесс. Но либерализация ценообразования при априорных «правилах игры», обуславливающих перелив капитала в границах «народнохозяйственного пространства» России, будет отличаться от либерализации цен, осуществленных на основе принципов саморегулирования экономики, проведенной при перестройке и приведшей к аккумуляции капитала в рамках отдельных производств.

Либерализация при перестройке, основанная на «полной» свободе деятельности производителя, привела к дифференциации экономики на «сильные» отрасли, которые должны функционировать, и «слабые», которые должны «исчезнуть». А потому либерализацию цен при перестройке можно оценить только как фактор разрушения экономики. Далее, когда стало необходимо созидание, а развитие экономики России все еще продолжается в соответствии с принципами саморегулирования экономики, государственное вмешательство в экономику, в том числе и в процесс ценообразования, становится все более и более необходимым.

Пытаясь сохранить экономику как экономику страны, государство вынуждено как сейчас, так и в дальнейшем обеспечивать воспроизводство ресурсов «слабым» производителям. Именно с этой целью в настоящее время оно пытается ограничить определенными количественными рамками рост тарифов, оказывать помощь регионам в трансфертной форме и т.д. Таким образом, при существующих критериях развития экономики, препятствующих переливу капитала, государство вынуждено будет взять на себя функции поддержания «слабых» отраслей в форме «перекачки» ресурсов из «сильных» отраслей в «слабые». Причем неважно, в каком виде будет проходить вмешательство в деятельность «сильных» отраслей: с помощью налогов или каких-либо иных форм отчуждения сверхприбыли.

При предлагаемых нами ценах вмешательства государства в процесс воспроизводства практически не требуется, т.к. цены становятся основной категорией, обеспечивающей перелив ресурсов между

всеми производителями «народнохозяйственного пространства» России. «Затратный принцип» ценообразования (в нашей интерпретации) становится основой цен при принципиально ином поведении российского производителя. Либерализация цен при таком подходе будет выражаться в снижении необходимости вмешательства государства в деятельность реального сектора экономики, снижении, обусловленном повышением значимости механизма межотраслевых межфирменных отношений производителей в границах «народнохозяйственного пространства» России.

Изложенное особенно актуально, если его оценить с точки зрения теперешней ситуации, когда разница в уровнях рентабельности различных производств достаточно высока, а межотраслевое сотрудничество, даже если его рассматривать с точки зрения общепринятого критерия минимизации трансакционных издержек, строится скорее не исходя, а вопреки этому критерию.

Необходим переход от стимулирующей функции цен, определяемых поведением производителя, стремящегося к критерию максимизации эффекта локальной сферы деятельности, к ценам, функцией которых должна стать распределительная функция, определяемая стремлением производителей к межотраслевому сотрудничеству. Это стремление, воплотившееся в механизме межотраслевых межфирменных отношений, станет основой увеличения удельного веса в производстве и экспорте технологически сложной продукции, повышения научно-технического уровня как главного фактора повышения конкурентоспособности экономики России в рамках мирового экономического порядка.

Литература

1. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // «Российская газета», 17 мая 2002 года.
2. «Известия». 16 декабря 2003 года.
3. «Экономика России в 2004 году. Внешние факторы роста ослабеют, а внутренние еще не окрепнут» // «Известия», 29 декабря 2003 года.
4. Й. Шумпетер. Теория экономического развития. М.: Прогресс. С. 396–397.
5. Д. Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: «НАЧАЛА», 1997 г. С. 49.
6. Т. Эггертсстон. Экономическое поведение и институты. М.: «Дело». 2001 г. С. 29–30

Мальшев Валерий Львович